

Поэтическая встреча

Ольга КРУТИКОВА

выпускница БГПУ 2003 года,
лауреат литературной премии им. Л. Завальнюка (2021)

От редакции. Ольга Крутикова в альманахе печатается со времени его основания. Первое её (ещё студенческое) произведение – изумительный очерк о преподавателе БГПУ, ветеране Великой Отечественной войны С.Г. Бугрименко «Жизнь цветом в осень» – было опубликовано в первом номере (2002). А уже в следующем (2003) увидела свет подборка её лирической прозы и стихов: «Золотая луна», «Синяя осень», «Полёт». А далее в течение нескольких лет мы публиковали её рассказы – с сильной лирической доминантой: «Не уходи» (№ 11), «Зеркало» (№ 14), «Прививка от ошибок» (№ 17), «Не дочка» (№ 18).

С 2019-го в творчестве Ольги обозначился новый поворот – стали преобладать стихи. Да какие! Настоящие самоцветы, драгоценные камни: изумруды, сапфиры, алмазаны... Редколлегия «Амура» рада, что это наше мнение разделило и жюри литературной премии имени Леонида Завальнюка, признавшее Ольгу Крутикову лауреатом 2021 года в номинации «Лучшее произведение в поэзии».

Думаем, совсем не случайно на её лирику обратил внимание известный композитор и исполнитель Сергей Зражевский (амурчанин, живущий ныне в США, также ставший в 2021 г. лауреатом премии – за популяризацию творчества амурских авторов за рубежом), не так давно записавший сразу две песни на её стихи: «Здесь, на Востоке Дальнем...» и «Мы будем с тобою...» (обе размещены на YouTube, там же можно найти видеоролик, на котором Ольга читает своё стихотворение «По набережной Амура...»).

МОЙ СИНИЙ СОН...

Из летнего

Мой синий сон, мой призрак синеокий,
В дрожании ресниц почти незрим.
Как ангел у подтопленной осоки,
Качается берёзы белый дым.
И крестятся у ветхого колодца
Бездонные прохожие во тьме.
А расставание большой водой несётся,
И мне не выжить и не выплыть мне.
Я не приучена к такому горю –
Искать любимых в колыбель-реке.
Вы – лучшая из всех моих историй,
Плывите, уплывайте налегке.
Намокнувшими голубыми травами
Пишу бесследно на воде рассказ.
И паводок, и паводок, и паводок
Касается отметки возле глаз...

Расстаёмся. Так намного проще
Сохранить твой облик неземной.
В речке неба алый мяч полощет
Древний Ной.
В эти воды пару брать не нужно,
(Отдыхай, построенный ковчег!)
Для чего же голову здесь кружит
Человеку человек?
Всяк един, навеки умирая,
Потому смотрю тебе вослед
Так спокойно, словно не узнаю
Больших бед...
Солнце тонет гирей многотонною.
Небеса уже сплошной кумач.
Ной сжимает голову ладонями:
«Тише, тише, Олечка,
Не плачь».

Сегодня воздух – чистым серебром,
И я одна в своём саду цветущем.
Перенеси меня одним рывком
В серебряное лето, Всемогущий.
Сожми в своей божественной горсти,
Телепортируй в этот век старинный –
Левкоев белых Анне принести
И роз жемчужных молодой Марине...

Мой город есть пустыня из пустынь,
И я сама пуста до основания.
Большим ковшом черпает в небе синь
Уставший призрак вечного прощанья.
Весь космос синий, а моя земля
Лежит китом огромным, бездыханным.
И в трещинах весенние поля,
И снятся им дожди обетованны.
Кругом Сахара, даже наверху,
Но сахарный песок давно не сладок.
К небесному седому пастуху
Идут молиться синих звёзд отряды.
И тлеет, тлеет их полночный дым,
Но вдруг одна срывается, смотри:
Над опустевшим городом моим
Посадки просит сам Экзюпери.
Всё сходится, всё скоро канет враз
В подземную забывчивую Лету...
Я знаю, отчего ты синеглаз:
Ты выпил море всей моей планеты.

Ничего мне не снится больше,
Я оставила свой ночлег.
Он мне пишет из гордой Польши,
Тот единственный человек.
Сотни писем приходят ночью
Из Голландии напрямиком.
Вся Европа следит воочью,
Как мы прячемся в ней тайком.
В Дюссельдорфе, в Берлине, в Ницце
По квартиркам, по этажам.
Как заправские небылицы
Рассекаем по чьим-то снам.
Нет пристанищ, земля кружится,
Сколько лет нам? И кто мы есть?
Я люблю от него светиться
Фонарями из тёмных мест,
Запароленным телефоном,
Невскрываеваемой смс.

Я люблю быть в него влюблённой
В каждой смутной стране ЕС.
Жить бессонницей, вьюгой писем,
Забывать имена друзей.
Он приходит всегда по-рысьи
В белый город моих страстей.
Сухопутным прямым маршрутом,
Что границы? И что ковид?
Ночь предательски стелет Брутом
Из окна амстердамский вид.
Вена, Прага, следы запутать,
Жизнь в наушниках, жизнь в Сети.
У меня ни одной минуты
Убежать от него, уйти.
Он читает мне Кастанеду,
Тихо, – шепчет, – молчи, молчи.
Месяц просится стать планетой,
Чтобы с нами тусить в ночи.
Рыжий Марс заалел пожаром,
Подпалил у Вселенной мех.
Что притихли, читая жадно?
Кто таков? Итальянец? Чех?
Шейх? Рабочий? Артист? Писатель?
Сплетен зреет густой кисель.
Ничего не скажу, но парень
В миллион раз меня русей.
Оттого и не сплю ночами,
И пишу ему, как молюсь.
...У Европы стоит за плечами
Бесконечная светлая Русь.

Мы встречаемся с ним по пьяни.
По его. Я вообще не пью.
Говорит, что он есть Модильяни
И теперь он живёт в раю.
Это сон. Что пугаетесь сразу?
Или что-то за гранью сна...
Кот за нами следит вполглаза,
Стережёт меня у окна.
За плечами его виноградарь,
Разудалый шалман и пляс.
Золотым от свечей снегопадом
Рассыпается Монпарнас.
У меня ни абсента, ни рома,
Как монашка живу, скромна.
Говорит: «Мы давно знакомы.
Почему ты ещё не пьяна?
Веселись и танцуй, как ветер,
Завывающий в круче скал.
Твой любимый другую встретил,
А тебя никогда не искал.
Что тебе он? Один на свете?
Вся “Rotonde” в твоём дому!

Вон Пикассо сидит в берете,
Курит так, что весь дом в дыму.
А того узнаёшь? Как туча?
Всем известны его грехи.
Да, Ривера, талант могучий.
Посвяти-ка ему стихи.
Здесь у вас в октябре морозно,
И у женщин глаза глядят
Очарованным небом звёздным
И бесслёзным огнём лампад.
Будем здесь до твоей улыбки,
Жаль, что водки совсем ни-ни,
Запиши свою боль в ошибки,
Красным маркером зачеркни».

Паркинсон пунктуален, как лондонский
джентльмен,
Он приходит без опоздания и садится
Подле Феликса: «Феликс, ты стар совсем.
Вот и время пришло нам встретиться,
подружиться.
Расскажи мне про школу, про яблони за окном,
Про детей с глазами горящих зарниц и молний,
Про уроки твои, про то, как построил дом,
Расскажи, я теперь за тебя это буду помнить.
Феликс, ты астроном и физик, ты знаешь, как
Во Вселенной сгорают большие массивные
звёзды...
Феликс, что ты, я вовсе тебе не враг,
Вот укройся теплее, здесь, кажется, сжался
воздух.
Погляди на фото, как был ты красив, вихраст,
Молодой учитель из школьной поры далёкой,
Вот девчонки бегут к тебе с шелестом
белых астр,
Вот мальчишки за партой исследуют силу тока...
Я тебя убаюкаю, Феликс, ложись поспи.
Календарь кривится оскалом прощальным,
жадным.
Миром правит число под названьем Пи,
Оттого ты должен понять и смириться, ладно?»
Феликс молча глядит на улицу, из трубы
Дым прозрачными кольцами душит вишню.
Облака, как верблюды, надули свои горбы,
И задумчиво щурится ранней звездой Все-
вышний.
Успевай поглядеть в телескоп на парад планет,
Успевай поиграть с пятилетней шалуньей-внуч-
кой,
Поживи попробуй каких-нибудь пару лет
Да снеси свою душу на старый базар-толкучку.
А душа – не душа, а горячий большой вулкан,
И несётся по небу, как будто кипящий гейзер,
И его узнают Венера, Плутон, Уран,

И по-братски кивает ему гигант Бетельгейзе.
А потом, конечно, встречает Феликса Тот,
С кем о физике можно трещать без конца
ночами.
И дивится Феликс на млечный туманный грот
За Его могущественными плечами.
Говорит протяжно, и долго доходит звук
До уставшего Феликса, зрящего в тихую
вечность.
– Феликс, послушай, здесь нет никаких разлук.
Так что здравствуй, добро пожаловать
в бесконечность.

«Мама, мне снилось, я падал на дно
Тихой прозрачной реки.
Мельничным жерновом билось оно,
Всё измельчая в пески.
Не задрожала река, не взвилась
Бульканьем тонущих тел.
Ворон, неслышно на гладь опустился,
Пристально в воду глядел.
Рыбы бесшумно струились у ног,
Прятались в иле густом.
Больше не помню, что было со мной,
Было ли что-то потом...»
Так и исчез он. Как канул на дно.
Без вести в водоворот.
Так и ушёл, захлебнувшись войной,
В тот сорок первый год.
Год двадцать первый летит, торопясь.
Стой, погоди, не шуми.
Видишь, я деда ищу, не смирясь.
Время, повремени!..
Где мне найти его тонущий след?
Ночью, при полной луне
Снится мне, снится мне, снится мой дед
В вещем чарующем сне.
Вот он гуляет в подводном саду
Светел, улыбчив и прост.
В клюве несёт золотую звезду
Певчий подводный дрозд.
Пчёл водяных распускается рой,
Снежно от резеды,
Липы цветут у него за спиной,
Влажные от воды...

Молитвой от земных несносных бед
Мой край во мне еженедельно дышит.
Здесь маленькая цапля пьёт рассвет
Из озера хрустального чуть слышно.
И ветер встречный осязаем и
Дрожит котёнком у меня под платьем.

Здесь рожь бежит полосками тесьмы,
Догнать бы...
Не ёжься, сердце. Сердце, не боли.
Не бей меж рёбер огненной картечью.
Здесь мой отец на краешке земли
Серебряную рыбу ловит в речке.
А после спать ложится в серый грунт,
Не раздеваясь, кутаясь в безмолвье.
И восковая вереница лун
Спускается светить у изголовья.

Там, на небе, нет тайги.
Как ты, папа?
Без сиреновой пурги
В хвойных лапах?
Без туманных облаков
Над полями?
Побродил и был таков
С журавлями.
Иволги поют ли там?
Фазаны ли?

Или, может, по утрам
Волки выли?
Приходили ли к тебе
Две косули?
Где, в какой живёшь избе?
Не в лесу ли?
Не остыла ли тропа
К той сторожке?
Тает звездная крупа,
Как морошка...
Лайка слизывает с рук
Ягод звёзды.
Кружево сорочьих вьюг –
Строят гнёзда.
Как ты, папа, без гнезда?
Как без дома?
Жёлтый месяц исхудал,
Что солома.
Там, на небе, есть ли ты?
Кто ответит?
Топит в мареве следы
Чёрный ветер.